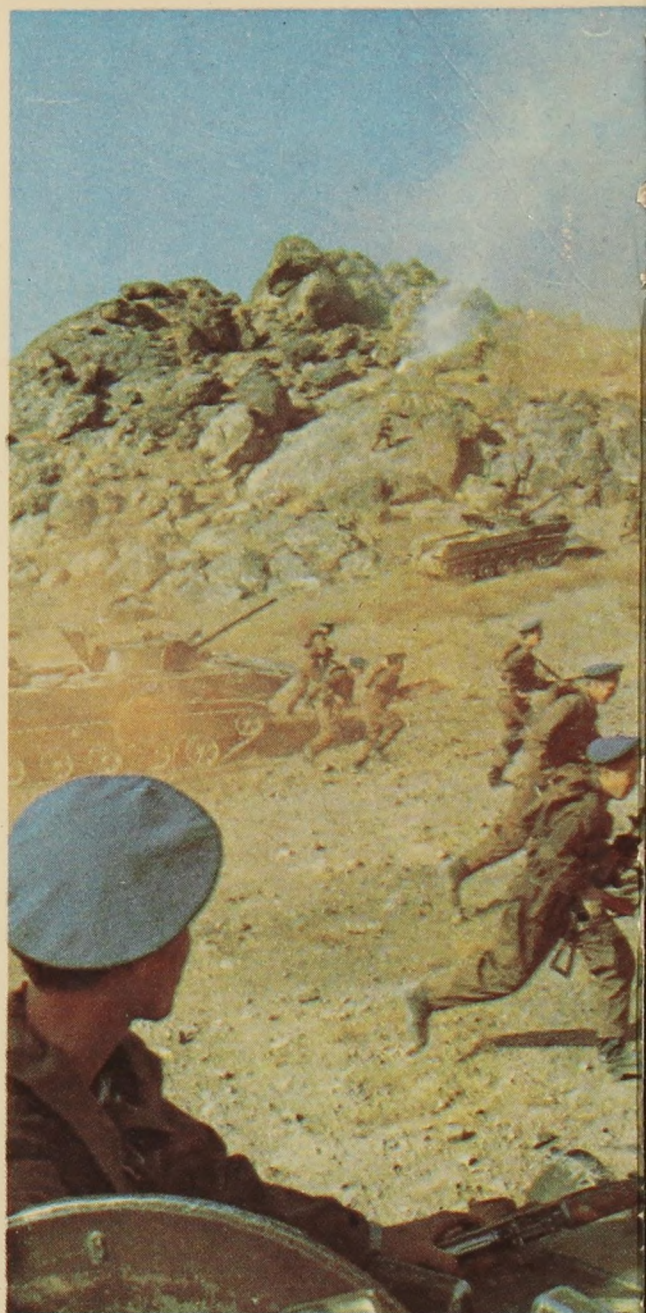

355.1/0921
3-43

ЗВЕЗДЫ ПОДВИГА

На земле
Афганистана

355.1(092)
3-43
За нашу Советскую Родину!

+355.12

+0р2

ЗВЕЗДЫ ПОДВИГА

НА ЗЕМЛЕ
АФГАНИСТАНА

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

Орбургская областная
библиотека им. Н. К. Крупской

9-65541

Подполковник
В. БЕЗРОДНЫЙ

ГЛАВНАЯ ЗАПОВЕДЬ

Капитан Александр Викторович Черножуков родился в 1958 году в городе Баку в семье моряка. Окончив среднюю школу, поступил в Бакинское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета Азербайджанской ССР. С 1979 года служил в Краснознаменном Северо-Кавказском военном округе. Командовал мотострелковым взводом.

С 1981 по 1983 год находился в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Командуя мотострелковой ротой, проявил мужество и героизм при выполнении интернационального долга. Герой Советского Союза, награжден орденами Ленина и Красной Звезды.

В настоящее время — слушатель Военной академии имени М. В. Фрунзе.

За окнами военного городка незаметно сгустились ранние сумерки. Южная ночь уже дохла запахом цветущих акаций, омытых скоротечным грозвым дождем, а командир мотострелкового батальона подполковник Карташов и начальник штаба капитан Черножуков все еще сидели в комнате. Еще и еще раз перечитывали служебные документы, хотя их содержание было обоим хорошо знакомо, прислушивались к шагам дневальных в длинном коридоре казармы. Леонид Михайлович Карташов сдавал дела своему молодому преемнику. И хотя бывшего комбата впереди ждала солидная должность, он все еще не мог свыкнуться с мыслью, что завтра утром уже не к нему, а к капитану Александру Черножукову, подав команду «Смирно!», подойдет с рапортом дежурный.

«Эх, время-времечко,—подумал Карташов, завязывая тесемки очередной папки. — Шесть лет ведь прошло,

как я, командир роты, представлял лейтенанта Черножукова в этой комнате тогдашнему комбату. Можно ли было тогда предполагать, что новичок сменит нас?»

Черножукову не могло не передаться настроение Карташова. Александр улыбнулся: с утра он заметил печаль в глазах комбата и доброе чувство к командиру целый день не оставляло начальника штаба. Скольких лейтенантов вывел Леонид Михайлович на столбовую дорогу офицерской судьбы из этих старых стен!

Дома военного городка, где начинал службу лейтенант Черножуков, были выстроены из красного кирпича. Местные жители и по сей день называют городок Красными казармами, отдавая тем самым дань историческому прошлому: здесь в гражданскую войну формировались и уходили в бой за Советскую власть первые полки красной конницы. Здесь перед Великой Отечественной учились командиры-кавалеристы. Они водили в атаки кавалерийские лавы в гвардейских корпусах. В минуты фронтового затишья лихие командиры добрым словом вспоминали Красные казармы, где учились воевать, постигали суворовскую заповедь, что в бою следует быстро сообразить и немедленно исполнить, чтобы не дать неприятелю времени опомниться.

Шли годы. После Великой Победы над фашистскими захватчиками новые поколения советских воинов прошли ратную школу Красных казарм. Вместо синих петлиц на их мундирах появились черные, с миниатюрными танками. Конюшни превратились в боксы для могучей техники. словно на счастье наследникам боевой славы гвардейцев-кавалеристов, остались под каменным кружевом старых строений красные подковы. В одном из таких боксов стояли боевые машины пехоты мотострелкового батальона танкового полка, где командиром взвода довелось начать офицерскую службу выпускнику Бакинского высшего общевоинского командного училища имени Верховного Совета Азербайджанской ССР лейтенанту Александру Черножукову.

Уже на первом тактическом учении с боевой стрельбой командир роты капитан Леонид Карташов отметил умение молодого лейтенанта надежно управлять подразделением, которое оказалось под стать личному его мастерству, продемонстрированному на боевых стрельбах. Не укрылась от командира роты и такая деталь: за короткое время сумел Черножуков не просто найти нужный тон в обращении с подчиненными, а стать им старшим

товарищем. У лейтенанта словно не было личных дел за пределами Красных казарм. Для молодых офицеров-холостяков большой город с сияющими по вечерам огнями проспектов таил немалые соблазны, а Александр пропал во взводе с утра до позднего вечера, а иной раз и оставался ночевать с подчиненными перед ранним выездом в учебный центр.

Вот почему знал Черножуков каждого солдата по имени-отчеству, знал не только по сухим анкетным данным, но и по душевным разговорам, и каждый из них был для него личностью. И потому, видно, команды лейтенанта, четкие и короткие, как и положено по уставу, на тактических учениях воспринимались солдатами взвода по-особому. Особенно старались новобранцы, у которых на первых порах получалось конечно же не все, но уж очень не хотели они подвести полюбившегося им офицера.

Импонировала капитану Карташову и другая черта в командирском характере лейтенанта Черножукова: он постоянно пытался усложнить для подчиненных выполнение учебно-боевых задач. Однажды его взводу предстояло атаковать безымянную высотку на учебном центре, сотни раз исполосованную колесами БМП. Черножуков дольше обычного ставил задачу подчиненным. Прислушавшись к его словам, Карташов не сразу понял, о чем идет речь, а когда разобрался, лишь удовлетворенно хмыкнул. Командир взвода так обрисовывал высотку, что его подчиненным виделся сильно укрепленный опорный пункт «противника» с приданными средствами огневой поддержки — крепкий орешек, раскусить который не пустяк. Поощряемые Черножуковым, сержанты, передавая из рук в руки нарисованную им схему опорного пункта, высказывали свое мнение, как лучше распределить силы и средства взвода, какой вид маневра избрать в предстоящей атаке.

— Противник не может быть условным, — припомнилось Карташову высказывание Черножукова в разговоре с офицерами батальона. — Это прежде всего непримиримый, до зубов вооруженный враг, хорошо обученный, с зорким глазом, от которого не укроется ни одна наша ошибка на поле боя.

«А всегда ли мы помним об этом? — подумалось тогда командиру роты. — Кое-кого медом не корми — дай по-проще да побыстрее провести занятия: жара, мол, под

сорок градусов. А воевать, если доведется, по холодку будем?.. Молодец Черножуков, ничего не скажешь!»

Фамилию лейтенанта Черножукова все чаще стали называть среди передовых офицеров батальона. Но вскоре после обстоятельного разговора со старшим начальником, прибывшим в полк, он был откомандирован в гарнизон, весьма далекий от Красных казарм.

— Боевой удачи вам, — напутствовал его Карташов. — Верю, мы еще послужим вместе...

По дороге к новому месту службы — в ограниченный контингент советских войск в Афганистане — Александр еще не знал, сбудется ли пожелание командира роты, но доброе чувство к родному полку, где он по-настоящему уверовал в свое командирское призвание, не покидало его во время службы за рубежом Отечества. Мог ли юноша с лейтенантскими погонами на плечах даже в самых смелых мечтах предполагать, что он вернется сюда, в Красные казармы, Героем Советского Союза, обожженным пламенем боев командиром роты? Сослуживцы, для которых эти годы пролетят в полигонных буднях как один день, станут почтительно внимать каждому слову двадцатитрехлетнего офицера, не раз своими дотошными расспросами вернут его в недавно пережитое прошлое. Вновь и вновь будет перелистывать он страницы написанных еще в двадцатых годах очерков комиссара гражданской войны, журналистки Ларисы Михайловны Рейснер, лучше которой, по убеждению Черножукова, никто еще не написал о стране и народе Афганистана. Как точны ее слова, как ярки картины далекого края:

«Горы обрызганы теплой росой редких трав, они пологи и песчаны. Но везде из-под зыбкой пыли выступают камни, и на них страшно смотреть — так они бесконечно стары, так разъединены и разрушены временем. Уцелело только то, что действительно вечно. И, обглоданные, истонченные веками, они сами еще больше, еще сильнее хотят истлеть. Кряжи, острые как нож, отделяют почти солнечную пыль, в течение столетий раздирают свои крошечные трещины, разверзают их немymi усилиями, крошат и сбрасывают пепел с зазубренных краев, как остатки иссохшей кожи. Только эти валы окаменевшего океана бесконечно устали быть и, раздавленные собственной тяжестью, ищут соединения с легким прахом, мягко засыпающим их склоны. Нет молодых камней, нет новых громад. Нежнейший желтый мрамор, и розовый, и серый с черными венами, — все они хранят и

расточают блеск, приобретенный на заре мироздания, они вянут и потухают из века в век, эти гранитные цветы, эти букеты из мрамора».

В древних горах серым серпантином вьются дороги, проложенные Александром Македонским и железным хромцом Тимуром. На покрытых пылью веков дорогах Афганистана сейчас можно часто встретить советских солдат. Их руки сжимают оружие, чтобы обезопасить автомобильные караваны, везущие в дальние кишлаки хлеб для голодных, книги, медикаменты для больных и раненых в стычках с душманами дехкан. Враги революции, темными ночами прорывающиеся через кордоны республики, пытаются уничтожить ростки новой жизни.

В провинции Урузган душманы блокировали ряд населенных пунктов. Они знали: продовольствие у населения на исходе. Значит, скоро в горах появится колонна грузовиков. При слабой охране они могут стать легкой добычей. От главных продовольственных баз до кишлаков более трехсот километров горной трассы. В помощь афганскому воинскому подразделению наше командование выделило взвод во главе со старшим лейтенантом А. Черножуковым.

— Путь, по которому пойдет колонна с хлебом, — единственный в горах, — инструктировал взводного командир части. — Настраивайте людей на максимальную бдительность. В голове колонны будут саперы. Их задача — устранить минную опасность на дороге, ваша — вместе с афганскими солдатами предотвратить внезапное нападение душманов, не дать им запереть грузовики в горных теснинах. И помните, — подполковник воспаленными от бессонницы глазами испытующе оглядел затянутую ремнями фигуру старшего лейтенанта, — нужно стараться упреждать противника, навязывать ему свою волю, не давать ему опомниться. Только так мы сумеем сохранить наших людей...

Подполковник вздохнул и, словно про себя, проговорил:

— Триста километров пройти в горах — это, брат, не пустяк, даже с вашими орлами.

Командир части был высокого мнения о командирских качествах старшего лейтенанта Черножукова и исподволь готовил его к должности командира роты. Нравилось ему в молодом офицере умение на полевых занятиях создавать обстановку, максимально приближенную к боевой. Под палящими лучами афганского солнца его под-

чиненные занимались до седьмого пота и до дыр в обмундировании — солдаты учились ползать по-пластунски так, чтобы не шелохнулась ни одна травинка. Особое внимание Черножуков уделял всегда новичкам. «Лучше потом и ссадинами заплатить за военную науку, — наставлял он их, — чем кровью и увечьями». Наиболее требовательным старший лейтенант был прежде всего к себе. Пригодились ему занятия спортом: гимнастикой, легкой атлетикой, плаванием, пулевой стрельбой.

В свое время мать, более четверти века проработавшая учительницей, сокрушалась, узнав о твердом намерении Александра после десятилетки поступать в военное училище. Советовала:

— У тебя отличные задатки педагога. Может быть, в пединститут пойти?

Посмотрела бы она на своего возмужавшего сына, загорелого до черноты, с солидными мужскими усами, погоревала бы по поводу его неустроенной палаточной жизни, но и порадовалась бы, увидев, как тянутся к нему солдаты в выбеленных жгучим зноем кителях.

Придет время, и «Красная звезда» так расскажет о Черножукове — офицере-воспитателе:

«Жестко, решительно звучал его голос на полигоне, среди гулких от выстрелов и взрывов скал, наполнялся проникновением, задушевностью в минуты беседы с подчиненными, скажем, в «курилке», куда он частенько заглядывает просто так, поговорить «обо всем». В такие минуты он для солдат — интересный собеседник, товарищ, умеющий и пошутить, и вступить в жаркий спор. Тут же ненароком выяснит, что беспокоит рядового Т. Бормузаева и почему хмур рядовой С. Шишаев.

— Коллектив мне попался замечательный, — говорит Александр. — Люди — золотые...

Он слегка заволновался, подыскивая слова, чтобы как можно лучше, как можно теплее рассказать о подчиненных. О смелом и добродушном младшем сержанте Сергее Гришине, награжденном медалью «За отвагу», непоседе рядовом Рубике Саркисяне, тоже удостоенном этой медали.

— А что, плохих у вас нет? — спросили у него.

— Плохих, говорите... Плохих нет. Недостатки там какие... А у кого их нет?»

...Мощные «Татры» — подарок афганским друзьям от трудящихся Чехословакии — давно оставили скрывающуюся за горными склонами живописную долину. Следуя в

голове колонны в бронетранспортере с воинами первого отделения, Черножуков по мере приближения к первому населенному пункту, где предстояло оставить часть груза — мешки с отборной пшеницей, все острее чувствовал опасность.

Окуляры бинокля притянули к командиру взвода пустынные улицы кишлака. А ведь обычно на них много снующих между глинобитными лачугами ребятишек. Не видно и почтенных старцев, как правило собирающихся на площади у мечети.

«Что-то тут не так», — подумал Черножуков. Приказал двум солдатам:

— Проверьте, не устроили ли нам душманы засаду.

Едва воины, умело используя валуны как укрытие, перебежками приблизились к дувалу, с горных склонов ударили пулеметные и автоматные очереди душманов.

Бронетранспортеры с афганскими и советскими воинами на высокой скорости ворвались в пустынные улочки кишлака. Отвлекая огонь на себя, мотострелки прилагали все усилия, чтобы дать возможность «Татрам» проскочить простреливаемое пространство. И все же одну машину настиг выстрел бандитского гранатомета. Указав цель афганскому пулеметчику, Черножуков выскочил из бронетранспортера.

— Хлеб! Спасайте хлеб! — крикнул он солдатам и сам первым бросился к грузовику, с которого раненый афганский водитель пытался огнетушителем сбить пламя.

Из кузова горячей машины полетели мешки с зерном, а тем временем кто-то завел двигатель и направил «Татру» к дувалу. И вовремя. Едва успели сбросить последний мешок, рванул бензобак.

Получив отпор, душманы ушли в горы. Выставив охранение и организовав отдых подчиненных, Черножуков вместе с командиром афганского подразделения склонились над картой.

— Чуть больше тридцати километров прошли за день. Мало, — вздохнул афганский командир.

— Ничего, лиха беда начало, — подбодрил его Александр, хотя у самого на душе кошки скребли. Он знал: душманы не оставят в покое хлебный караван.

Тщательно изучив по карте местность, командиры увидели, что дорога к перевалу Мурчай была проложена в узком ущелье, поднималась круто вверх; оба пришли к выводу, что здесь засады не избежать.

Наутро у перевала грянул бой. Вот как описан он в «Комсомольской правде»:

«Мина взорвалась под колесами головного бронетранспортера. И сразу же со стороны перевала застучали выстрелы, зарокотало эхо пулеметных очередей.

Чтобы сковать действия душманов, нужно подняться по склону выше их. Взвод Черножукова вместе с бойцами афганского подразделения устремился по крутому подъему в горы. Не каждому под силу взять эту кручу и в спокойной обстановке. А тут — выстрелы в упор. На очередной рывок — доли секунды. В метре от пропасти — с камня на камень. Вперед. Вверх. Быстрее.

Душманы сразу поняли этот маневр и перенесли огонь с дороги на группу смельчаков, взбиравшихся по склону.

А Черножуков лежал за совсем небольшим камнем. Ждал, когда хоть на секунду утихнет огонь. Его, шедшего первым, заметили бандиты. Пули свистели, били по камням совсем рядом. Черножуков осторожно повернул голову. В нескольких шагах притаились его солдаты, тут же — афганские бойцы. Показал знаком: сейчас — вперед. До следующего валуна не больше пяти шагов.

Пять шагов. Черножуков внимательно осмотрел из-за камня этот отрезок. Только бы не оступиться. Рывок. И вместе с ним вся группа в одном стремительном броске преодолевает эти несколько метров, которые труднее и опаснее большого пути. В бессильной злобе душманы открыли бешеный огонь, но уже по опустевшему участку. Но тут же выстрелы стихли. Бандиты в спешке отходили.

Путь был открыт».

Все население кишлака Дехравут вышло встречать колонну, преодолевшую грозный перевал. С радостными криками ребята вскакивали на подножки машин. Девушки несли узкогорлые кувшины со студеной водой. Люди, измученные голодом из-за блокады душманов, со слезами благодарности на лицах крепко жали руки солдатам. Не удалось бандитам разрушить веру в народную власть, сломить решимость дехкан в борьбе за новую жизнь.

Проделав обратный сложнейший путь, колонна вернулась в долину. Выслушав подробный доклад старшего лейтенанта Черножукова, подполковник с усталыми глазами крепко пожал ему руку и сказал:

— Взвод выполнил задачу, вернулся без потерь. Раненых и больных нет. Это отличный итог. Поздравляю вас, товарищ командир роты!

Черножуков замялся, порывался о чем-то спросить. Лицо командира части высветила по-отцовски добрая улыбка.

— Приказ уже подписан. Принимайте роту, товарищ старший лейтенант.

А через некоторое время боевые друзья сердечно поздравляли Александра с награждением орденом Красной Звезды.

Рота — не взвод. Прибавилось забот у старшего лейтенанта Черножукова. Командиры взводов подобрались бывалые. Под стать им и старшина роты прапорщик Виктор Видлога, человек хладнокровный и рассудительный. А о лучшем заместителе по политчасти, чем старший лейтенант Андрей Борисов, Черножуков и не мечтал. Они почти одновременно прибыли в часть и крепко подружились.

Это он, Борисов, и открыл для Александра изумительные очерки Ларисы Рейснер об Афганистане. В перерыве между занятиями Андрей обычно усаживался на камень. Доставал из полевой сумки томик с засушенным цветком вместо закладки и читал своему командиру наиболее понравившиеся отрывки.

Если замечал, что Черножуков поглядывает на часы, закрывал книгу:

— Продолжим занятия, командир? Посмотрим, какого ты перцу подсыпешь нам к концу учебного дня.

Когда Черножуков принял мотострелковую роту в батальоне майора Александра Терехова, кое-кто даже среди бывалых воинов начал сетовать на напряженность занятий, которые новый ротный проводил в горах.

«Скоро останемся без сапог и обмундирования», — ворчали одни. «Силы надо беречь для настоящего дела, — поддерживали их другие, — а он такие заковыристые вводные подкидывает, такие ситуации создает, каких в жизни не бывает».

Однако вскоре такие разговоры прекратились. А произошло это после занятия в горах, крепкой зарубкой оставшегося в памяти солдат и офицеров подразделения.

Рота совершала марш в горах. Каждому взводу Черножуков попеременно предоставил возможность действовать в составе обходящего отряда. Этот маневр он отрабатывал с подчиненными с особой тщательностью, счи-

тая, что обход противника с флангов и тыла — кратчайший путь к победе во время боя в горах. Разумеется, это положение тактики никто и не собирался оспаривать, но карабкаться часами по почти отвесным скалам, балансировать на зыбких горных террасах хотелось далеко не каждому.

Под вечер наконец спустились в цветущую долину, где предстоял большой привал. Едва прозвучала команда, солдаты, сняв с зудящих от усталости плеч оружие и вещмешки, с наслаждением падали на манящий свежестью и покоем ковер разнотравья. Но и здесь Черножуков до конца остался верен себе: предположив, что в зеленой зоне может укрыться одна или несколько мелких банд, он организовал охранение и выслал разведдозор. Едва он углубился в сторону от лагеря, как загрели выстрелы впереди, а затем и у выхода из долины. Рота оказалась в плотном кольце.

— Занять круговую оборону! — приказал Черножуков, стряхивая с фуражки ветку, срезанную с цветущего дерева душманской пулей.

Как из-под земли появился старший лейтенант Борисов.

— Врут, сволочи, — зная, что замполит ждет от него оценки обстановки, сказал Черножуков, — не возьмут они нас за здорово живешь. Уже темнеет, а ночью воевать душманы не мастаки. Будут держать нас в ловушке до рассвета. Возможно, подтянут подкрепление. А мы ждать до рассвета не можем.

Набравшим силу голосом крикнул: «Старшего лейтенанта Минакова ко мне!»

— Вот что, Минаков, — через некоторое время инструктировал он командира взвода, — надо найти выход из этого мешка. И он есть, потому что безвыходных положений не бывает...

Минаков вернулся из поиска, когда южные звезды выткали гранеными алмазами яркие узоры на темно-бархатной глади небосвода.

— Докладывай, — поторопил взводного Борисов.

— Отдышаться дайте, — с возбуждением сказал старший лейтенант, и уже по интонации его голоса Черножуков уловил: разведка прошла успешно.

— Есть между двумя скоплениями душманов проход к горному выступу, — сказал Минаков. — Наша группа прошла по нему к перевалу. Путь свободен. Все силы противника стянуты сюда, в долину.

«Военный совет», как в минуту хорошего настроения Черножуков называл общение с командирами взводов и старшиной роты прапорщиком Видлогой, занял на этот раз считанные минуты.

Вслушиваясь в тишину, взвод за взводом, увлекаемые разведчиками, ускользали из долины. И ни разу не услышала она ни звона оружия, ни стука солдатского котелка, ни шума сорвавшегося из-под сапог камня. Последней уходила группа прикрытия под командованием старшего лейтенанта Борисова, так и не сделавшая ни одного выстрела.

Через несколько дней командир подразделения афганской армии привез в батальон майора Терехова пожилого дехканина, насильно мобилизованного душманами в банду и покинувшего ее при первой возможности. Он-то и рассказал, как утром бесновался рыжебородый главарь бандитов, когда после предпринятой атаки выяснилось, что советские солдаты исчезли из долины. В ярости пустил он плеть по плечам караульных, в один голос утверждавших, что «только шайтан мог унести русских аскеров».

— Если и был шайтан, так это Черножуков, — говорили в батальоне. — Его солдаты, как горные олени, по любой тропе пройдут.

В роте Черножукова над такими разговорами посмеивались, но каждый воин в глубине души благодарил командира за науку.

Пройдет время, и Героя Советского Союза капитана Черножукова во время его встреч с молодежью на предприятиях, в учебных заведениях, в воинских подразделениях будут не только восторженно встречать как сверстника, отмеченного высшей наградой Родины, но и засыпать вопросами. Заданные в разной форме, они, по сути, все отражают стремление познать меру подвига. И всегда без боязни повториться Александр будет начинать свои ответы с рассказа о друге — заместителе командира роты по политической части старшем лейтенанте Борисове.

Когда складывалась такая обстановка, что кто-то из офицеров роты должен был брать ношу потяжелее — прорываться с боем через заслоны душманов или, наоборот, прикрыть отход подразделения, — Борисов, заранее отвергая возможные возражения, произносил излюбленную фразу: «Это мое дело». Все его любили, и все хотели говорить с ним «обо всем». Бывало, подойдет Андрей к солдату, поинтересуется его самочувствием, спро-

сит, что из дома пишут, подбодрит, и настроение у человека поднимается, как ртутный столбик на солнечной стороне.

— Вот послушай, — сказал он однажды Черножукову, открывая знакомый томик с цветком-закладкой: — «Вершины. Их покатые плечи в цветах, едва видимых, но крепко и нежно пахнущих. Их скаты блестят слюдой, малахитом и мрамором. Ветер, пробегающий здесь, чист и холоден, как ключевая вода. Но сами они — неописуемы. Нет на человеческом языке таких слов, чтобы показать, как они все сразу поднимаются к небу, более дерзкие, чем знамена, более спокойные, чем могилы; громадные, каждая в отдельности, и больше, чем океан, больше всего, что есть на земле великого, — когда они вместе».

— Ты вдумайся в каждое слово! — восторженно восклицал Андрей. — Ведь это рассказ о нас, о людях: каждый человек должен быть вершиной и «что есть на земле великого... когда они вместе».

— Фантазер ты, дорогой мой, — улыбался в усы Черножуков, чувствуя, что добрая правда стоит за Борисовым.

Разве мог Александр поверить, что скоро, совсем скоро душманская пуля оборвет жизнь его друга и не станет на земле человека с горячим сердцем и светлой головой?

Андрей находился в головном бронетранспортере, когда один взвод из роты Черножукова вместе с афганским подразделением патрулировал дорогу, ведущую через перевал. Из ближнего кишлака навстречу колонне выбежал старик. У бронетранспортеров силы покинули его. Он упал, приподнялся и начал что-то быстро говорить.

— О чем он? — чувствуя недоброе, спросил Борисов переводчика.

— Душманы ворвались в кишлак. Расстреливают сельских активистов и других крестьян, не желающих им подчиняться.

Не дожидаясь, пока водитель заведет бронетранспортер, старший лейтенант Борисов с горсткой солдат ринулся к отдаленному дувалу, за которым слышались выстрелы.

Бандитов оказалось больше, чем бойцов афганской армии, спешивших во главе с советским офицером на помощь дехканам. Первым упал на горячую землю старший лейтенант Советской Армии. Он сделал свой до-

следний вздох под яростный стук пулеметов с подоспевших бронетранспортеров.

Когда Черножуков рассказывает о жизни и подвиге Андрея Борисова, он избегает слова «был». Образ друга, как гордая, непоколебимая перед лицом времени вершина человеческого духа и благородства, высится в его памяти и в памяти всех бойцов-интернационалистов.

Когда бы ни вспоминал Александр о службе в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане, он невольно делит ее на службу «с Борисовым» и «без Борисова».

Тогда, в ночь перед атакой, старший лейтенант Борисов, как всегда, стоял рядом с командиром роты, отдающим боевой приказ.

— Начнем затемно, — сказал Черножуков. — Вначале выдвижение, и чтобы ни единого звука, пока душманы не обнаружат. Потом... — Он резко взмахнул рукой. — Потом — атака. Возьмем высоту?

— Понятное дело, — ответил за всех прапорщик Видлога.

— А сейчас прошу разойтись по своим взводам, доведите задачу до каждого.

— Я тоже пойду по взводам, — сказал Борисов. — А ты бы поспал, командир...

Но Черножуков спать не смог. Первой сражается мысль. Это правило командир роты усвоил твердо. Во время рекогносцировки он до мельчайших выступов изучил довольно крутой склон высоты. Справа и слева к ней примыкала горная гряда с остроконечными вершинами. Обойти ее нельзя. От фронтальной атаки уйти невозможно.

Атаковать в лоб... Мало-мальски сведущий в военном деле человек понимает, что победу в таком бою одержать очень непросто. Но если нет иного выхода, надо думать, как взять высоту в лоб.

...По плану боевой учебы в тот день личный состав роты совершал длительный марш в горах, попутно решая вводные командира. Серпантинная дорога то срывалась вниз, то круто брала вверх. Под вечер идущий впереди разведдозор доложил, что предстоит преодолеть ущелье, вытянутое подобно бутылке среди горных вершин. Такие места душманы нередко выбирают для бандитских нападений. И потому старший лейтенант Черножуков приказал соблюдать особую осторожность, быть начеку.

Когда рота втянулась в ущелье, впереди послышались выстрелы. Командир разведдозора доложил: душманы оседлали выход, перекрыли горловину. А вскоре пулеметные очереди, раздавшиеся позади, подтвердили догадку Черножукова — бандиты пытаются устроить для них в каменном мешке ловушку.

«Если они напали на подразделение, значит, их много», — размышлял Александр. Шакальи повадки отщепенцев афганского народа ему в общем-то были знакомы. Посоветовавшись с Борисовым, командирами взводов, старшиной, он решил атаковать первым. И не в одном из проходов ущелья, а там, где душманы менее всего их ожидают. В островерхих вершинах западного хребта была одна по сравнению с другими более пологая высота. «По ее склону и будем прорываться», — пришел к выводу Черножуков.

Однако разведка обнаружила, что у бандитов на высоте несколько огневых точек. И все же атака будет именно здесь. Блокированные бандитами проходы слишком хорошо простреливаются, и можно при броске потерять немало людей. Александр брал в расчет внезапность, малочисленность бандитов на высоте и подготовленность подчиненных к действиям в горах. А главное — он верил в своих людей, в их выносливость, солдатскую смекалку, смелость и решительность. Он верил в свой маневр.

Общий план у Черножукова родился сразу, как только посмотрел на склон, по которому пойдут люди. Там и сям, словно застывшие часовые, стояли валуны. Суть плана как раз и заключалась в использовании естественных укрытий. Атака будет развиваться волнами. Сначала рывок делает один взвод, два других поддерживают его огнем. Первый залегает, используя естественные укрытия, за ним идет второй взвод.

Во время рекогносцировки Черножуков обратил внимание и на такую деталь: первая половина склона высоты заканчивалась террасой. Эта терраса продолжалась в горном хребте. А нельзя ли по ней совершить обходный маневр? Да, о чем бы ни думал командир, готовясь к лобовой атаке, мысль его все равно возвращается к тому, как бы ее избежать.

В Бакинском высшем общевойсковом командном училище имени Верховного Совета Азербайджанской ССР, где учился Черножуков, горной подготовке уделялось немало внимания. Из истории военного искусства он знал,

как горы жестоко наказывают тех, кто не готовился к встрече с ними. Он поднимался на многие вершины Кавказского хребта. И своим подчиненным не уставал повторять: «Вы должны в горах быть как у себя дома».

Итак, обходный маневр с середины склона высоты. Что же, это совсем не шаблонно. Если группе, которая пойдет в обход, удастся ударить душманам во фланг, а еще лучше — в тыл, можно сказать — бой выигран.

...Радист попросил войти в связь с «Чайкой» — командиром батальона майором А. Тереховым. Сейчас командир батальона ничем не мог ему помочь. Только утром прилетят вертолеты, подойдут другие подразделения. Ждать Александр не намерен. Ведь если бандиты поведут прицельный огонь — потерь не избежать. Потому прорываться надо до рассвета. О своем решении он и доложил майору А. Терехову. И теперь комбат, конечно же тревожась за подчиненных, спрашивал по-отцовски: «Готов?» Черножуков собрался было отрапортовать, но почему-то изменил своей привычке и ответил не по уставному: «Как пионер».

— Что ж, тогда ни пуха... — раздалось в трубке.

«Хороший человек Сан Саныч», — подумал Черножуков. «Сан Санычем» комбата звали даже солдаты, за глаза, конечно, между собой. Терехов никогда не навязывал командирам рот и взводов своего мнения, инициативу и самостоятельность поощрял всячески. Докажи, что твое решение верное, и всегда в ответ услышишь: «Действуй».

Поговорив с комбатом, с минуту растирал ладонью лоб, щурил уставшие глаза. Ночь была все такой же темной, а небо — косматым. Такое же небо он часто видел над родным Баку. Все казалось одинаковым — небо, облака, горы... Но почему-то все казалось и совсем иным.

«Просто там — дом родимый», — вздохнул он. Дом и соседний подъезд. А в том подъезде живет один человек, которого Александр очень хотел увидеть. Увидит ли?

Сжатая, как стальная пружина, рота ждет сигнала к началу атаки. «Ну, командир, в последний и решительный!» — сказал Борисов. «В решительный, но не последний», — отозвался Черножуков.

Ему и по сей день видится смоделированный им бой. Как первыми идут в атаку младшие сержанты Сергей Гришин, Петр Токпаев, рядовой Рубик Саркисян... Как уходит в обход, достигнув террасы, старший лейтенант Минаков со своей группой. И как, наконец, оттуда, с вы-

соты, слышит он по радию ровный голос Виктора Видлогги: «Командир, на Шипке все спокойно».

Орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза старшему лейтенанту Черножукову вручили после возвращения на Родину. Александр смущался, украдкой опуская глаза на маленькую, поблескивающую солнцем звездочку, и все пытался сложить руки так, чтобы прикрыть ее: не привык, чтобы на него обращали внимание.

Много приятных событий ждало его в том незабываемом году. На крыльях Аэрофлота примчался он в Баку. Обнял незаметно постаревших родителей, а потом из соседнего подъезда привел им невесту. Весь старый бакинский дом радовался счастью, прочно обосновавшемуся в квартире отставного моряка торгового флота Черножукова, вырастившего и вместе с женой воспитавшего для страны достойного сына.

Подружки шептали невесте, примеряя свадебное платье: «Какая ты счастливая, Люся! Саша такой красавец да еще Герой Советского Союза, наверно, и генералом будет...»

Люся прятала сияющие глаза под опущенными ресницами и, не вступая в спор с подругами, думала о том, что трудно им понять, чего ей стоило ждать редких весточек из далекого Афганистана, сколько слез было пролито в томительном ожидании. А замуж она выходит не за будущего генерала, а за самого дорогого для нее человека на земле...

Пролетели звонкие денечки. Молодая чета собиралась в дорогу, в город, окраину которого, как крепость, охраняют Красные казармы.

Начальником штаба мотострелкового батальона прибыл в родной танковый полк старший лейтенант Черножуков. И первым встретил его здесь комбат майор Леонид Михайлович Карташов.

Встретил почти гоголевской фразой:

— Поворотись-ка, сынку, вот ты у нас и герой! — И, уже отбросив шуточный тон, добавил: — Я очень рад, Саша, что ты вернулся в наши старые стены. Каждый из офицеров полка может только позавидовать твоему боевому опыту. Надеюсь, он станет нашим общим достоянием.

На первых порах Черножуков постоянно ловил себя на мысли: что-то мешает ему войти в ритм службы, спокойно проанализировать положение дел в батальоне. Потом понял, в чем дело. Душой он все еще оставался там,

в Афганистане, вместе со своей ротой. Здесь же, как гость, ревниво сравнивал, где тверже дисциплина, выше уровень боевой подготовки, лучше офицеры и сержанты.

«Чудак-человек, — удивлялся он сам себе, — разве можно сравнивать замполита батальона лейтенанта Юрия Черненко с Андреем Борисовым, а командира гранатометного взвода лейтенанта Александра Кузнецова со старшим лейтенантом Владимиром Минаковым? Сравнить можно, но только для того, чтобы помочь офицерам, не имеющим боевого опыта, вырасти. Чем, скажем, мастер спорта по пулевой стрельбе отличается от снайпера? Тем, что мастер спорта в тире, защищенном надежными стенами, методично посылает пулю за пулей в «десятку». А снайпер выискивает цели на поле боя. Он должен уметь маскироваться, скрытно менять позиции. С самым метким стрелком изрядно повозиться нужно, чтобы вышел из него снайпер. И с офицерами примерно так же. Многое им из своего опыта, из опыта товарищей боевых передать надо, чтобы взойшли они к вершинам командирского мастерства».

И вновь, как когда-то в Афганистане, раздавались на первых порах недовольные голоса: «Мудрит Черножуков, всю тактику на свой лад переделывает. Могли бы на учениях высокую оценку получить, а он так усложнил задачу, что еле на троечку рота вытянула».

Александр краем уха услышал этот разговор ночью на полигоне. Насторожился было, но тут раздался в темноте голос лейтенанта Черненко:

— Не партийный разговор у нас получается, товарищи. Вот говорят некоторые: у Черножукова на все своя мерка. А это не мерка, а мера. Мера реального боя. Не печалиться, а радоваться нужно такому подходу к делу.

«Молодец», — с улыбкой подумал Александр. И стало ему теплей на пронизывающем ветру полигона, словно рядом он почувствовал надежное плечо Андрея Борисова.

Прошел год, второй после возвращения Черножукова в Красные казармы. На его погонах появилась четвертая звездочка. В новой должности чувствовал себя уверенно, как когда-то ротным. Его уверенность незримо передалась офицерам батальона, многие из которых сделали заметный шаг вперед в боевом совершенствовании. Старший лейтенант Кузнецов, например, вывел взвод в отличные. Равнялись на него и остальные взводные.

К ночным вызовам в полк Александру не привыкать.

Быстро собрался он и в тот раз. Не зажигая света в комнате, на носках сапог прошел к детской кровати, где разметалась во сне крошечная Иринка.

И теперь скорее в полк. Поднятые по сигналу сбора, экипажи уже выводили танки из массивных краснокирпичных боксов. Начались учения... В их ходе командующий войсками округа наблюдал и за действиями мотострелкового батальона. А вот разговор с ним для Черножукова был по своим последствиям полон неожиданностей.

— Ваш рапорт на учебу в академию я не подписал, — сказал командующий. Заметив растерянность, промелькнувшую на лице молодого офицера, генерал-полковник улыбнулся: — Думаю, что для пользы дела вам нужно покомандовать батальоном. А учеба не уйдет. Сколько вам сейчас? Двадцать пять. Замечательный для комбата возраст.

...Подполковник Карташов старательно завязал тесемки последней папки. Сложил их в сейф. Щелкнули замки.

— Держи ключи, комбат, — улыбнулся Леонид Михайлович. — Засиделись мы, однако. Пора по домам.

Миновав КПП, офицеры попрощались. Капитан Черножуков шел широкой аллеей мимо Красных казарм, над которой плыли белые облака цветущей акации. Казалось, спящий город прислушивается к его уверенным, твердым шагам.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48